

СУМЕРКИ КАПИТАЛИЗМА

Алексей Шестаковский¹

Рецензия на книгу:

Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей И. Валлер-стайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с. ISBN 978-5-93255-405-0

Мало кто из социальных ученых или публичных интеллектуалов ныне не считает, что современный мир переживает фундаментальный кризис. Рецензируемый сборник эссе как раз об этом: что не так с современностью, которая понимается прежде всего как следствие глобального распространения капитализма, и что нас всех может поэтому ожидать? Авторы утверждают, что капитализм переживает глубокий структурный кризис, который затрагивает его основы. Разрушится ли капитализм, трансформируется или сменится чем-то доселе неизвестным – точно предсказать нельзя. Однако в ближайшие полвека мир в любом случае столкнется с серьезными потрясениями.

Почти все пять авторов сборника являются живыми классиками макроисторической социологии и мир-системного анализа – междисциплинарных направлений, изучающих человеческие общества на протяжении всей истории. Благодаря такому масштабу оптики авторы прямолинейно заявляют: то, что капитализм существовал последние пятьсот лет, совсем не означает, что он вскоре не исчезнет. Если рушились тысячелетние империи, то чем капитализм лучше? Не следует, впрочем, и того, что он обязательно погибнет. Что, однако, следует, так это необходимость открытого обсуждения проблем, к которым привел капитализм, и выработки новых способов коллективного действия, которые позволят их преодолеть с как можно меньшим ущербом для индивидов, обществ и окружающей среды.

Следует иметь в виду, что перед нами не фундаментальное исследование природы капитализма, а популярное изложение итогов своих теорий, многолетних изысканий и актуальных выводов. Поэтому идеи и структура аргументов вполне доступны, но не развернуты. По-хорошему, спорить по существу следует не с книгой, а с оригинальными работами авторов. Те, кто хорошо знаком с ними, а также с их пу-

¹ Алексей Шестаковский – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт» (Киев, Украина).

блицистикой последних лет, вряд ли узнают из этой книги что-то новое. Для остальных данный сборник – неплохое введение в их основные идеи в сегодняшнем контексте.

Непосредственным поводом к написанию книги, насколько можно судить, послужил мировой финансовый кризис. Самые недавние события, о которых бегло упоминают в паре мест, – Арабская весна. Впрочем, «сегодня» исторических социологов растягивается на десятилетия. Их умозаключения слабо меняются с очередными срочными новостями о новой горячей точке.

Ниже я сперва рассмотрю общие для авторов положения, изложу различия и остановлюсь на их собственных теориях. Наконец, я попробую указать на ограничения данной книги и макроисторического подхода как такового.

Все авторы согласны, что в исторической перспективе общественное развитие состоит из множества отдельных, часто конфликтующих тенденций хозяйственной, политической, культурной и прочих сфер жизни. В какой-то момент эти тенденции могут объединяться, «кристаллизироваться» в более-менее устойчивые, но все же преходящие конфигурации отношений, примером которых является капитализм эпохи модерна и его институты. Даже существуя несколько столетий, они все равно могут распасться, в том числе потому, что противоречивость отношений в рамках одной системы никуда не девается. Что касается собственно определения капитализма, то нелишне дать развернутую цитату:

«Капитализм – не физический объект вроде царского дворца или финансового квартала, который могут захватить революционные толпы. Капитализм и не набор “разумных мер”, о которых пишется в редакционных статьях деловой прессы. Либералы и марксисты прошлого равно заблуждались, сводя капитализм к использованию наемного труда в рыночной экономике. Рынки и наемный труд существовали задолго до капитализма, и социальная координация посредством рынков почти наверняка переживет его. *Капитализм, утверждаем мы, был и остается лишь конкретно-историческим сопряжением рыночных и государственных структур, при котором главной целью и условием властвования становится извлечение экономической прибыли практически любой ценой* (курсив мой. – А. Ш.). Но могут появиться и иные, коллективно более удовлетворительные способы организации рынков и человеческого сообщества»².

Это понятие необходимо иметь в виду, пытаясь критиковать авторов или искать в их писаниях подтверждение собственным тезисам. Капиталистическая экономика не могла бы существовать без множества других институтов, таких как государство, наука, идеологические системы или армия. Именно так авторы понимают капитализм, рассуждая о его истории и возможностях его краха.

² Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 21.

За последние несколько столетий капитализм показал себя беспрецедентной машиной экономического роста (К. Калхун), которая, постоянно расширяясь, после Второй мировой войны охватила собой весь мир. Обратной стороной роста стали колоссальные издержки – экономические, социальные и экологические, которые разрушают сами основания капитализма, как и его возможность относительно успешно расти дальше в большинстве стран.

Критический уровень накопленных издержек и невозможность (в глобальном масштабе) накапливать капитал как раньше и являются главным содержанием капиталистического кризиса. Авторы считают, что капитализм явственно вступил в кризис примерно в 1970-х и должен окончательно пойти в разнос в ближайшие полвека. Главный вызов – найти такой способ общественной организации, капиталистический или нет, который бы позволил инкорпорировать издержки и покрывать их удовлетворительным для большинства образом.

В книге подчеркивается, что в ней нет пророчеств о будущем капитализма. Вместо этого соавторы стараются «просчитать глубокую структурную динамику»³. Точные долговременные прогнозы невозможны в силу нарастания неопределенности и того, что события зависят от воли множества людей. С другой стороны, это дает надежду на то, что люди смогут договориться и пережить кризис без существенных потрясений и большого насилия. Не пытаясь прозреть точные даты, локации или пути изменений, ученые показывают коридор возможностей дальнейшего развития капитализма.

Соавторы согласны в наступлении неолиберализма, начиная с семидесятых годов прошлого века, и в том, что взлет и упадок мировой гегемонии США играет в этом процессе важнейшую роль. Что касается будущего, то все они считают довольно вероятным, что будет найден новый способ увеличить роль государства и уменьшить неравенство за счет политики социал-демократического толка. Также весьма возможно, что произойдет «подъем остальных» (*rise of the Rest*), которые обгонят обобщенный Запад и сами станут устанавливать правила на международной арене. На роль «остальных» претендуют прежде всего Китай, Юго-Восточная Азия, Индия, Бразилия и региональные лидеры вроде Турции. Впрочем, все это возможно, если человечество не накроют глобальный экологический кризис, ядерная катастрофа или смертельные эпидемии. В то же время авторы признают: капитализму в целом и национальному государству в частности пока не видно конкурентной альтернативы, несмотря на все их проблемы. Возможно, в среднесрочной перспективе в мире будет больше социалистических или фашистских режимов, однако авторы трактуют эти понятия очень широко.

³ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 14.

Ученые существенно расходятся в том, какие особенности капитализма считать принципиальными для разворачивания кризиса и насколько с ними возможно (если возможно) справиться. Главное разделение – между преобладанием условного марксистского или веберовского взгляда на историю. С одной стороны, мир представляется целостной системой, которая в целом имеет общую логику развития, экстраполируя которую можно предсказать ее скорый крах. С другой стороны, мир понимается как сеть структур, каждая из которых имеет автономную логику. Поэтому нельзя выбрать одну из них (например, экономическую) и предсказывать будущее исходя из нее. Эта точка зрения соединяется с предположением, что капитализм все же может выжить, потеряв в либерализме и общих темпах роста. Первую позицию занимают Валлерстайн и Коллинз, каждый по-своему. Вторую позицию представляет Манн. Калхун находится примерно между ними. В своих прогнозах он ближе к Манну, в аргументации старается нащупать общие точки соприкосновения. Дерлугьян рассматривает более частный вопрос из прошлого. Когда доходит до предсказаний, он стремится главным образом привести к общему знаменателю теории Валлерстайна и Коллинза.

Иммануил Валлерстайн – не нуждающийся в представлении автор одной из самых популярных версий мир-системного анализа. Согласно ему, капитализм как мир-система сложился примерно 500 лет назад и охватил весь мир. Соответственно с этим правилом существует капиталистическая мир-система, на поощрение этой ценности направлены главные институты современности. Однако сейчас она находится на последней стадии системного кризиса, когда накапливать все больший капитал становится невозможно.

Валлерстайн утверждает, что исторически глобальный капитализм развивался согласно двум главным механизмам: циклам Кондратьева и циклам гегемонов. Кондратьевский цикл состоит из чередования двух фаз примерно по 20–30 лет каждая. А-фаза (повышательная) наступает, как только возникают инновации, находящиеся широкий сбыт, на их основе создается квазимонополия с помощью одного или нескольких государств, что приносит высокие прибыли. Это период усиленного накопления капитала в мир-системе. После неизбежной самоликвидации монополии перестают приносить такие прибыли, наступает понижительная Б-фаза. Производители пытаются снизить затраты, перенося производство в те регионы мир-системы, где труд стоит меньше, либо перемещая капитал из производства в финансовый сектор, т.е. прибегая к финансовизации.

Гегемон – государство, способное навязывать правила остальным государствам и поддерживать порядок в мировой экономике, что создает благоприятные условия для движения и накопления капитала в мир-системе. За последние 500 лет гегемонами успели побывать Нидерланды, Великобритания и США.

Поскольку расширение капитализма, которое происходит в А-фазе кондратьевского цикла и при наличии неоспоримого гегемона, больше, чем его сокращение во время Б-фазы и отсутствия главного центра мирового влияния, то за несколько циклов капитализм смог охватить буквально весь мир. Последняя по времени повышательная фаза цикла, при одновременной бесспорной гегемонии США, продолжалась примерно с 1945 по 1970 годы. Рост экономики и накопление капитала были беспрецедентными. Однако с тех пор мы находимся в Б-фазе при одновременном переходе к многополярному миру. Упадок должен стать настолько же невиданным, как и подъем.

Валлерстайн уверен, что обычные уловки, к которым прибегали капиталисты в Б-фазе, чтобы дальше получать прибыль, уже не срабатывают, и потому капитализм переживает не простой кризис, а структурный, который угрожает его существованию. Исчерпываются регионы мира с низкой стоимостью труда, растет доля административного персонала и квалифицированной рабочей силы, а также зарплата топ-менеджеров. Все труднее игнорировать экологические издержки и использовать сырье и инфраструктуру, не платя по всем счетам. Финансиализация уже привела к оттоку капитала из производства и многочисленным спекулятивным пузырям, которые еще больше замедлили рост во многих странах мира. В то же время уходит военная, экономическая и культурная гегемония США. Образование нескольких мировых центров власти вместо одного приводит к тому, что нестабильность рынков усиливается нестабильностью властных альянсов.

Последствия мы наблюдаем уже некоторое время: потеря доходов и рост безработицы среди все большей доли рабочего и среднего классов в капиталистических странах, рост социальной напряженности и неэффективность государственной политики (прежде всего режима жесткой экономии) для решения этих проблем.

Таким образом, современная мир-система подошла к пределам своей прочности и скоро разрушится. Валлерстайн только в самых общих чертах описывает возможных претендентов на ее место. С одной стороны, это некапиталистическая система, которая сохранит существующие иерархию, поляризацию и эксплуатацию, – Валлерстайн называет это «духом Давоса» и выделяет в ней две альтернативы: репрессивную и меритократическую. С другой стороны, это относительно демократичная и эгалитарная система, называемая «духом Порту-Алегри», которая расколота на сторонников горизонтальной организации общества и власти и отказа от экономического роста и сторонников вертикальной организации и необходимости догоняющего экономического роста в регионах мира, отставших в этом смысле. Какая альтернатива победит? Валлерстайн совершенно отказывается давать прогнозы на этот счет.

Рэндалл Коллинз сосредотачивается на переосмысленном предсказании Маркса о технологическом замещении как источнике самоуничтожения капитализма. Коллинз абстрагируется от прочих

марксистских положений, говоря, что самого по себе технологического замещения может оказаться достаточно.

Маркс утверждал, что капиталистическая конкуренция вынуждает производителей постоянно замещать труд с помощью оборудования и технологий, снижая затраты на выпуск товара. Это удешевляет продукцию, но в то же время рабочий класс сокращается, увеличивается безработица и падает потребление этой продукции. Так капитализм подрывает сам себя.

Коллинз утверждает примерно то же в отношении среднего класса. Большая его часть просто-напросто потеряет работу и средства к существованию вследствие развития информационно-коммуникативных технологий, компьютеризации и роботизации, а в перспективе – создания искусственного интеллекта с высшими когнитивными функциями. Неотвратимость технологического замещения при текущей динамике должна привести к полномасштабному кризису капитализма к 2040 году плюс-минус десять лет, антикапиталистическим революциям и какой-то форме социализма. Вообще анализ Коллинза по духу ближе всего к традиционному марксизму по сравнению с прочими авторами сборника, несмотря на весьма неортодоксальную идею о среднем классе как могильщике капитализма.

Коллинз не видит правдоподобных способов компенсировать вымывание среднего класса. Он по очереди рассматривает пять альтернатив, которые сработали в свое время для рабочего класса либо предлагаются сейчас, и находит их неэффективными. Так, новые технологии вряд ли смогут создать такое же количество рабочих мест, какое ими уничтожается. Все уволенные клерки не смогут переучиться на программистов, а если бы могли – не будет столько вакансий. Кроме того, Коллинз подчеркивает, что сфера информационных технологий, роботы и производство компьютеров и роботов, как и любое другое капиталистическое производство, в конечном итоге будут принадлежать ограниченному кругу монополистов вроде Гугла или Майкрософта.

Второй выход, географическое расширение рынков, не работает, потому что в странах полупериферии и периферии быстро образовывается свой средний класс, который конкурирует со средним классом стран ядра. Вовлечение безработного среднего класса в игру на финансовых рынках малореалистично. Разные варианты кейнсианства, то есть стимулирования экономики и создания рабочих мест через увеличение госрасходов, либо поддержание *welfare state* не затрагивают само технологическое замещение. А социальная поддержка даже при нынешних уровнях безработицы становится проблематичной. Если последняя составит десятки процентов – неминуем бюджетный кризис.

Наконец, пятый возможный выход состоит во все более долгом получении образования. За этим стоит идеология, говорящая, что с ростом науки и развитием технологий повышаются требования к сотрудникам, а высококвалифицированный труд заменяет низ-

коквалифицированный. Коллинз ее подробно и едко критикует, показывая, что количество подобных рабочих мест не растет так быстро, как число студентов. Настоящую функцию инфляции дипломов Коллинз видит в удержании множества людей от выхода на рынок труда и поддержании громадной армии образовательных работников. Таким образом, массовое высшее образование есть не что иное, как скрытая форма гособеспечения. Ее преимущество в том, что никто ее таковой не считает, поэтому ее поддерживают даже те, кто плохо относится к социальным пособиям. Недостаток тот же, что и с другими формами социальной поддержки: оплата все более долгого образования все большего количества граждан становится все более неподъемной для бюджета государства и частных лиц.

Так или иначе, Коллинз предрекает, что к середине XXI века безработица достигнет 50% процентов и будет расти дальше. Это ознаменует приход кризиса и приведет к революционной ситуации. Отталкиваясь от работ Т. Скочпол, Ч. Тилли и Дж. Голдстоуна, Коллинз считает, что революции возникают при жестком бюджетном кризисе (когда государство не способно платить по долгам и удерживать силовые структуры) в соединении с расколом политических элит относительно дальнейших действий. Такую ситуацию вполне может вызвать колоссальный уровень безработицы и социального напряжения, с которыми не удастся справиться.

На смену капитализму, скорее всего, придет социализм. Он заключается в государственной собственности или жестком контроле над источниками прибыли, централизованном планировании и перераспределении. На смену погоне за прибылью должна прийти забота о широких массах населения, которых капитализм оставил без средств к существованию. В то же время Коллинз признает, что социализм, хоть и уменьшает неравенство, имеет свои принципиальные недостатки и совсем не обязательно будет миролюбивым. В какой-то момент недовольство социализмом может опять подтолкнуть к капитализму. Поэтому Коллинз считает правдоподобным, что крах капитализма будет не окончательным, и пара следующих веков пройдут в колебаниях между разными формами капитализма и социализма.

Майкл Манн, наоборот, считает, что капитализм, скорее, сохранится, хоть и в другой форме. Его сценарии отличаются от прогнозов Валлерстайна и Коллинза в очень важном отношении, а существенная часть его раздела посвящена критике коллег, Валлерстайна прежде всего. Он не считает мир системой, которая развивается по универсальной логике, и поэтому его будущее нельзя предсказать исходя из пары абстрактных механизмов. Безусловно, капитализму присущи спады и подъемы. Манн отрицает, что они складываются в неизбежные и закономерные циклы.

Его скепсис базируется на трех основаниях. Во-первых, его собственная модель исторического развития (так называемая *ИЕМР*

*model*⁴) рассматривает общества «не как системы, а как пересекающиеся сети взаимодействий, из которых наиболее важными являются четыре – это сети идеологических, экономических, военных и политических взаимодействий»⁵. Каждый указанный источник власти может иметь свои автономные тенденции и направленность развития, так что их сетевые взаимодействия могут быть непредсказуемыми. Во-вторых, вследствие разных экономических, культурных, политических и иных условий даже мировые события могут иметь совершенно различный эффект для разных обществ, что вполне наблюдаемо даже во время последнего финансового кризиса. В-третьих, люди часто могут принимать иррациональные решения, в частности начинать жестокие войны, главными причинами которых совсем не являются экономические или другие рациональные мотивы.

Манн полемизирует и с Валлерстайном, и с Коллинзом, доказывая, что капитализм не обязательно погибнет, исчерпав возможности наращивания прибыли и занятости. И потому, что он может вынести эти вызовы, и потому, что они необязательно будут иметь место. Капитализм может не разрушиться, а будет выглядеть примерно так, как он выглядел до XX века: с устойчиво низкими темпами роста («Почему темп роста в 1% должен считаться кризисом капитализма?» – спрашивает Манн) и большой структурной безработицей (автор допускает до 1/3 граждан, живущих на минимальные пособия и исключенных из жизни общества, которых капитализм вынесет).

Если Манн и готов давать прогноз на будущее при условии отсутствия глобальных форс-мажоров, то вот он: глобальный капитализм сохраняется, но имеет низкий рост и обеспечивает большее равенство в мире, чем сейчас. Примерно 10–15% населения структурно безработны, вдобавок распространена прекарная занятость, однако этого недостаточно для социальных революций. Во-первых, не видно силы, которая их может организовать. Во-вторых, в мировых масштабах Манн не видит реальной альтернативы капитализму. В-третьих, сегодня маловероятно повторение настолько масштабных военных кризисов, как мировые войны, которые во многом и приводили к большим социальным революциям XX века. Левые останутся, но будут преимущественно реформистами. США, безусловно, теряют гегемонию, но потенциальной замены сопоставимого масштаба пока не видно. Вероятнее всего, мир опять, как в раннекапиталистические времена, станет многополярным, где к США добавятся Европа и страны БРИК.

Хоть Манн считает, что внутриэкономических сил недостаточно для разрушения капитализма, он указывает на две глобальные опасности, которые могут уничтожить не только капита-

⁴ Для введения см., напр., вступительную главу в J. Hall, R. Schroeder (eds.): *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*, Cambridge University Press 2005.

⁵ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 114.

лизм, но и все человечество, и которые делают ситуацию практически непрогнозируемой.

Первая угроза – возможность ядерной войны. Манн не исключает этот вариант, говоря о распространении ядерного оружия, глядя на Ближний Восток и учитывая возможность попадания такого оружия террористам.

Вторая угроза состоит в глобальном изменении климата. Причем Манн не считает климатические изменения издержками только капиталистического хозяйствования, а возлагает ответственность еще на два других, как он говорит, великих достижения Нового времени. С одной стороны, это идея национального суверенитета в сочетании с почти всеобщей идеей об экономическом росте как показателе национального успеха. С другой стороны, это «гражданство потребления», всеобщая убежденность в том, что они имеют право на хорошую и счастливую жизнь, потребляя примерно на уровне современных развитых стран. Чтобы избежать катастрофических изменений климата, нужно не просто перестать гнаться за высокой прибылью, срочно ограничить промышленность, ответственную за выбросы, и заменить ее какими-нибудь зелеными технологиями (которые нужно еще изобрести и довести до ума). Нужно это навязать в глобальном масштабе, то есть существенно урезать суверенитет национальных государств и создать наднациональный орган, который смог бы достаточно жестко такую политику воплощать. Наконец, простым гражданам во всем мире также нужно кардинально изменить свои запросы.

Очевидно, что реализация такого плана сейчас крайне маловероятна. Если он удастся, то Манн видит будущий мир организованным с помощью «новой формы надгосударственного коллективизма с регулируемым рынком»⁶. Более того, создание и широкое внедрение новых технологий, более щадящих для экологии и с низкими выбросами, может стать новой волной шumpетерианского созидательного разрушения, способного решить также структурные проблемы экономики. Если же организовать что-то подобное не получится, Манн предрекает климатические бедствия и то, что часто зовется постапокалиптикой: «осадные» режимы в относительно благополучных странах, главной задачей которых независимо от политического строя будет противостояние остальному миру и волнам беженцев и войны за ресурсы.

Георгий Дерлугьян подходит к дискуссии о будущем капитализма немного неожиданно, рассуждая о прошлом коммунизма⁷. Коммунизм долгое время рассматривался как реальная антикапиталистическая альтернатива. Кроме того, автор стремится показать, в чем макроисторические прогнозы могут сбываться, а в чем не сбываться. Для этого анализируются старые предсказания Вал-

⁶ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 151.

⁷ Помимо этого Г. Дерлугьян, кажется, выступил одним из организаторов написания этого сборника, за что также следует отдать ему должное.

лерстайна и Коллинза относительно СССР и реальные траектории СССР и Китая.

Согласно интерпретации Дерлугьяна, коммунизм был прежде всего вариантом диктатуры развития в эпоху Нового времени. Это была попытка догоняющей модернизации, характерная в первую очередь для крупных полупериферийных государств. Последние часто являлись наследниками аграрных империй и монархий прошлого, оттесненных новыми капиталистическими державами, и стремились восстановить свое могущество. Новые институты, от передовой науки и промышленности до моды, заимствовались и насаждались принудительными методами.

Важно подчеркнуть, что капиталистическая логика рационального получения прибыли оставалась чуждой для самих модернизаторов у власти. Внедрение отдельных институтов, развитие своих рынков и включение в международные – все это подчинялось прежде всего императивам наращивания военной мощи, территорий и геополитического влияния.

Советский проект являлся прямым наследником прочих попыток модернизации России, начиная с Петра I. Причем, в отличие от многих других, к началу XX века Российская империя практически вошла в число ведущих мировых держав. Советский коммунизм состоялся, потому что империя, распавшись, оставила в наследство «геополитическую платформу, исключительно пригодную для обороны»⁸. Вторая причина – глубочайший экономический и политический кризис, в который ввергла Европу мировая война. Наконец, третья причина – ряд качеств самих большевиков, скорее личных и организационных, чем содержательно-идеологических, которые позволили им не только захватить власть, но и удержать ее. Следуя С. Хэнсону и К. Джауитту⁹, Дерлугьян называет СССР харизматической бюрократией, которая, начиная со времен Хрущева, все больше теряла свою харизму.

А вот умение выстраивать мобилизационные структуры, с помощью которых можно свергать ослабевшую власть, восстанавливать государство и более-менее успешно отбиваться от военных интервенций, вдохновило множество режимов и движений в XX веке, которые называли себя коммунистическими, социалистическими или национально-освободительными, и даже диктатуры развития Восточной Азии. Дерлугьян имеет в виду не только КНР, КНДР и Кубу, а и кемалистскую Турцию, Израиль в первое время и Иран Хомейни. Он заключает, что страны, где «советский пример вызвал наибольший интерес и получил продолжение... в основном бывшие аграрные империи, чьи народы и интеллигенция надеялись преодолеть историческое унижение и вернуть себе более достойное положение»¹⁰. В государствах ядра мир-системы, где коммунизм надеялся одержать победу прежде всего, у него это не полу-

⁸ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 209.

⁹ За указание на это я благодарен Павлу Кутуеву.

¹⁰ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 181.

чилось. Вследствие большего национального богатства и традиций парламентаризма умеренная социал-демократия оказалась более успешной. В этом, впрочем, сыграло роль и присутствие коммунистических государств за пределами ядра.

Чтобы объяснить дальнейшую судьбу коммунизма, автор анализирует более ранние предсказания Валлерстайна и Коллинза на счет судьбы СССР и пытается вывести теорию на основе того, в чем предсказания сработали, а в чем нет. Валлерстайн в свое время предсказывал, что коммунизм не сможет сосуществовать с капиталистической мир-системой, подобно тому как невозможно установить коммунизм на отдельной захваченной рабочими фабрике. Поэтому на определенном этапе номенклатурный класс СССР должен был начать встраиваться в капиталистическую мир-экономику. Вместо холодной войны Союзу следовало строить большую европейскую ось Париж–Берлин–Москва, где Германия отвечала бы за инновации и инвестиции, а СССР – за относительно дешевые рабочие руки, новый рынок, сырье и военную защиту, на случай чего. Коллинз разработал свою модель геополитической динамики. Из нее следовало, что, когда в международном противостоянии остаются только две сверхдержавы своего времени, одна из них в конце концов рушится от нехватки ресурсов и перенапряжения сил: либо в результате тотального военного поражения, либо от сепаратизма своих губернаторов и наместников. Проецируя свою теорию на отношения между США и СССР, Коллинз указывал на превосходство США и его сателлитов над социалистическим блоком по всем ресурсам, отсюда, по мнению теоретика, стоило не воевать с Советским Союзом, а просто подождать его неизбежного и закономерного фиаско.

В реальности получился промежуточный вариант: СССР сначала развалился по линиям «наместничеств», которые потом и вошли в капиталистическую мир-систему. Исходя из этого Дерлугьян считает, что крупное коммунистическое государство имело три вышеописанных сценария развития – встраивание в капиталистический мир, полное уничтожение государства в войне или развал империи – либо их комбинацию. Ключевая роль в этом принадлежала политическим элитам, прежде всего их способностям слаженно маневрировать коллективные действия в условиях назревших внутренних социальных противоречий с выросшей гуманитарной и технической интеллигенцией и рабочими, которых, начиная с периода «развитого социализма», было невозможно заставить работать. Союз развалился потому, что его номенклатура слаженно маневрировать не смогла. Дерлугьян приписывает Горбачеву намерение создать вышеописанную геополитическую ось Европа–СССР и вписаться в капиталистическую мир-систему. Однако он запутался в своей внутренней и внешней политике перестройки, сопровождавшейся в том числе многочисленными кадровыми перестановками. Номенклатура предпочла разбежаться ради защиты сиюминутных индивидуальных интересов. СССР разва-

лился по границам активов, которые эта высшая бюрократия контролировала на тот момент: национальных республик (устроенных при основании Союза, чтобы выбить почву из-под ног националистических движений) и отраслей или крупных предприятий (связанные с ВПК, они набрали большой вес еще при Хрущеве).

Роль интеллигенции свелась к легитимации процесса в либеральном или националистическом духе. Итогом стало вхождение в капиталистический мир, но только не целиком, а распавшимися частями империи, на намного менее выгодных условиях, – своеобразный гибрид прогнозов Валлерстайна и Коллинза.

Китай же оказался способен к коллективным действиям руководства, перестраивавшим коммунизм в государственный капитализм. Свою роль также сыграли следующие обстоятельства, которых был лишен поздний СССР: все еще большая доля сельского населения, которую можно было использовать как основной ресурс для догоняющего развития; отсутствие необходимости соперничать с США за мировое лидерство, что принесло Союзу колоссальные издержки; наконец, относительная молодость режима и его руководителей, многие из которых сами участвовали в революции и гражданской войне и которым хватило духа применить репрессии перед поворотом вправо.

Коммунизм в изложении Дерлугьяна сложно считать жизнеспособной альтернативой капитализму в долгой перспективе, даже если не обсуждать цену мобилизационного развития. Во-первых, коммунистический режим вторичен. Он возникает как попытка догнать капитализм, во многом пользуясь его же наработками. А если капитализм устойчив, то лучшее, что может сделать коммунистический режим, – интегрироваться в него, и то без гарантии успеха. Во-вторых, равенство и благополучие граждан, не говоря о минимизации экологических издержек, не были главной целью коммунизма, как и любого другого девелопменталистского государства. Вместо накопления капитала предлагается укреплять военное и геополитическое могущество государства. Совсем не очевидно, что вторая цель предпочтительнее первой или ведет к большей стабильности. Да, на этом пути советское общество претерпело кардинальные изменения, отразившиеся в том числе и на повышении уровня благосостояния. Но всеобщее образование и массовая социальная мобильность, большее гендерное равенство и социальное обеспечение и тому подобные процессы были не основным продуктом советской модернизации. Просто сложно тягаться с передовыми капиталистическими государствами эпохи, в том числе в военной силе, если у тебя нет тяжелой промышленности, массово грамотного населения и не задействован женский труд. Не говоря о том, что подобные процессы позднего модерна происходили и в некоммунистических обществах.

В самом конце Дерлугьян также пытается делать прогнозы о будущем капитализма, правда, базируясь при этом на разделах Валлерстайна и Коллинза не меньше, чем на своем. Он утверждает, что

в ближайшем будущем нет предпосылок для возрождения коммунизма (как и фашизма) такими, как мы их знали в первой половине XX века. Что, впрочем, не исключает их возрождения в какой-то форме в случае крупного геополитического идеологического кризиса, сравнимого с ситуацией после Первой мировой войны. Поскольку кризис капитализма предполагается главным образом экономический, то и выражаться он будет прежде всего в странах ядра в виде массовых и относительно мирных движений и демонстраций. Борются будут в основном образованные и средние слои за общественный контроль над крупными корпорациями. Дерлугьян предостерегает возможности как популистского перевода классового конфликта в этнический и антииммигрантский, так и массовых леволиберальных движений. Но в целом он надеется, что насильственных социальных революций образца 1917 года удастся избежать.

Последним (следуя порядку глав) в дискуссию вступает *Крэйг Калхун*. Он считает, что капитализм как способ производства имеет неплохие шансы сохраниться. Капитализм переживает тяжелейший кризис, но его еще можно скорректировать политическими решениями. При этом он, правда, может утратить динамизм, а центры экономической жизни могут сместиться с условных Запада и Севера на условные Восток и Юг. Капитализм может вообще утратить решающую роль в мире, который начнет организовываться вокруг какого-нибудь другого способа производства.

Говоря об устройстве капитализма, Калхун замечает, что неверно думать о нем по аналогии с организацией или государством, которые могут одномоментно развалиться и исчезнуть с карты (здесь просматривается скрытая полемика с Дерлугьяном). Невозможно, чтобы большое количество институтов, практик, рынков, предприятий, инвестиций исчезли за ночь. Одни могут прийти в упадок, другие – сохраниться в преобразованном виде и стать частью новой системы отношений, и все это, вероятно, будет протекать по-разному в разных странах. Феодализм распался примерно триста лет, тем не менее и сейчас существуют католическая церковь и монархии. Другими словами, отдельные институты капитализма, по-видимому, переживут его в любом случае.

Калхун выделяет три основных угрозы капитализму: внутриэкономическую – пресловутую финансиализацию; со стороны общества – институциональный дефицит; со стороны природы – исчерпание ресурсов и деградация окружающей среды. Финансиализация является обратной стороной важнейшего свойства капитализма: возможности быстро перемещать капитал, чтобы создавать более технологичные и прибыльные предприятия. Они, как правило, создаются на заемные средства, а чтобы с ними работать, нужны финансовые инструменты. Во многом благодаря свободному движению финансов капитализм и был способен к впечатляющему росту. Однако все больше капитала инвестировалось не в производство, а в другие финансовые активы. Это приносило ко-

лоссальную краткосрочную прибыль, но в то же время привело к оттоку инвестиций из производства, усилению неравенства в доходах и к ряду финансовых кризисов, самый крупный из которых был назван Великой рецессией, подорвавшей и экономическое развитие, и легитимность капиталистического государства.

Дилемма в том, что полностью устранить эти риски невозможно, не уничтожив механизмы стимуляции экономического роста. Однако они явно нуждаются в более эффективной регуляции, чем сейчас. Калхун критикует США и Европу, которые, вместо того чтобы этим заняться, принялись спасать особо крупных должников и прибегать к жесткой бюджетной экономии, что не дало ожидаемого роста. Калхун далек от мысли, что сам по себе подобный кризис разрушит капитализм, тем более что он не так сильно отразился на отдельных развивающихся странах. Но вместе с двумя другими угрозами он представляет опасность.

Второе противоречие капитализма состоит в том, что он сам подрывает социальные институты, которые делают возможным его стабильное существование и рост. Капитализм возможен только в условиях существования централизованных государств, которые способны обеспечивать единство права и его применение, валютную систему, взаимосвязи внутри экономики и некоторый уровень взаимного доверия. Кроме того, капитализм в чистом виде склонен не платить за инфраструктуру, а также образование, здравоохранение и социальное обеспечение населения, которое приносит ему прибыли. За это платят – необязательно участвуя в распределении прибылей – государство и другие социальные образования, такие как семьи, общины или религиозные организации. Однако последние (особенно если вести речь о традиционной семье или традиционной общине) уже не могут эффективно нести такие издержки, как в докапиталистические времена. Их новые аналоги вроде благотворительных объединений взаимопомощи пока еще слишком слабы, чтобы возлагать на них уверенные надежды. Корпорации, долгое время несшие социальные обязательства по отношению к своим сотрудникам, также все больше от них отказываются.

Граждане могут поддерживать капитализм и мириться с его издержками, пока последние остаются терпимыми, а богатство и достижения в известной мере доступны многим. Способом сохранить эту поддержку долгое время была программа государства всеобщего благосостояния. Однако неолиберализм, Великая рецессия и последующая политика жесткой экономии сворачивают его все больше. Таким образом разрушается легитимность как власти в отдельных государствах, так и капитализма в целом. Причем Калхун без особого оптимизма смотрит на Китай и страны Латинской Америки, рост в которых вроде бы не сильно пострадал после 2008 года. В них теоретик усматривает аналогичный институциональный дефицит, который себя скоро проявит.

Дальнейшая судьба капитализма в этом отношении зависит от того, сможет ли он найти приемлемый «режим экстернализации» своих издержек¹¹. Калхун допускает, что в ближайшем будущем может стать более популярным государственный капитализм, который не привязан к либеральной демократии и не проводит «между государством, коммерческими институтами и гражданским обществом те же четкие различия, что были раньше на Западе»¹².

Третье главное противоречие капитализма вызвано эксплуатацией внешней среды, от воздуха и воды до ископаемых. Количество необходимых ресурсов ограничено, а капитализм использует их все больше, несмотря на все способы обойти эти ограничения или регулировать использование. Калхун намечает несколько угроз, возникающих из этого противоречия. Во-первых, это деградация окружающей среды, приводящая к страданиям людей и, опять-таки, разочарованию в капитализме. Во-вторых, это истощение ресурсов, высокие налоги на капиталистов в попытках переложить на них экологические издержки, а также возможные войны и конкуренция за ресурсы. Все это может дестабилизировать капитализм и поставить под вопрос его возможность извлекать большие прибыли.

Помимо этого, Калхун вкратце указывает на существование масштабной неформальной и необязательно капиталистической экономики, которую очень сложно учитывать при прогнозировании судьбы капитализма. Он относит сюда множество феноменов, от бартера и взяток до гаражных стартапов Силиконовой долины и транснациональной преступности вроде торговли оружием или отмывания денег. Эти неформальные институты могут как поддерживать капитализм там, где формальное право и экономика неэффективны, так и подрывать его. В любом случае они генерируют дополнительную неясность относительно его будущего.

В силу своей противоречивости капитализм производит все больше неопределенности, рисков и бедствий для людей, обществ, природы и в конечном итоге для себя самого. Возможности его сохранения зависят от того, насколько получится обуздать эти риски, по возможности не сильно снизив его способность к экономическому росту. Калхун видит ключ к этому в политических решениях, которые смогут построить новые институты, способные и поддерживать капиталистический динамизм, и в достаточной степени защитить граждан от его издержек.

Интеллектуальная честность вынуждает признать, что критика данной книги не должна воображать о себе слишком многого. Тому есть по меньшей мере три основания. Во-первых, данный сборник не фундаментальный труд, а популяризаторская выжимка многолетних исследований. Подробно полемизировать следует скорее с увесистыми томами, где они отражены. Во-вторых, я признаю, что мое знакомство даже с основными работами макроисторических социологов далеко от совершенства. Наконец, походя «разложив»

¹¹ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 242.

¹² Там же, 250.

данную книгу с точки зрения более общепринятых теорий, можно лишиться себя важной возможности увидеть присущие последним слепые пятна. А ведь указать на них – одна из главных задач сборника.

Тем не менее я возьму на себя смелость сделать ряд замечаний. Их следует воспринимать как указания на возможные ограничения книги и макроисторического подхода в целом, которые часто являются обратными сторонами их преимуществ. Главное преимущество состоит в возможности связно и довольно сжато обозреть масштабные события и эпохи, а то и всю человеческую историю, выйдя за ограниченные рамки методологического национализма. Прямым следствием этого является принесение в жертву множества нюансов ивольное обращение с историческими фактами, без которого не получится стройной и ясной схемы.

Общая методология мир-системного анализа и макроисторической социологии уподобляется «соединению точек в большой головоломке»¹³. Проверять получившиеся теории предлагается с помощью нахождения «контрфактуальностей» и альтернативных путей развития, которые были возможны, но не смогли реализоваться¹⁴. На мой взгляд, принципиальных проблем здесь две. Если считать историю мира или его части чем-то вроде головоломки, тем, что изначально имеет смысл, есть большой риск найти марсианского сфинкса и многоводные каналы на месте столовой горы и оптических иллюзий. Во-вторых, считать ли противоречащий факт контрфактуальностью, которая заслуживает внимания, во многом зависит от автора и его точки зрения на само существование головоломки.

Самым ярким примером этих проблем является полемика авторов между собой. Манн предъявляет (насколько это возможно в рамках ограниченного объема) достаточно убедительные факты, чтобы считать циклы Кондратьева и гегемонов либо технологическое замещение фикциями. Если с ним согласиться, то с необходимостью следует признать, что теории Валлерстайна и Коллинза о будущем капитализма ошибочны в главных своих положениях, поскольку неадекватно описывают его динамику¹⁵. Но самих Валлерстайна и Коллинза эта критика, кажется, мало заботит. Впрочем, справедливости ради, умозаключениям Манна тоже можно предъявить несогласующиеся факты и альтернативные интерпретации¹⁶. К. Калхун стремится снять противоречия между соперничающими теориями, предлагая частные объяснения, с которыми, по идее, должны согласиться все коллеги по сборнику. Ему это во многом удается, однако ценой отсутствия собственной проработанной теории мировой динамики и большего эклектизма. Так, он использует

¹³ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 310.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, 117-121, 137-142.

¹⁶ См. J. Hall, R. Schroeder (eds.): *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*, Cambridge University Press 2005.

термины «мир-система», «формация» или манновские «властные сети» как синонимы.

Кроме общетеоретических разногласий, подбор фактов и размашистые обобщения иной раз сами по себе способны вызвать вопросы не только у специалистов по конкретным историческим темам, но и просто у интересующихся историей. Взять вывод Дерлугьяна о том, что коммунизм был успешен главным образом в бывших аграрных империях прошлого. Считать ли тогда, скажем, Кубу, Лаос и ГДР бывшими аграрными империями? Как в таком случае определять понятие империи? Или теория предполагает специфические критерии успешности, которым соответствуют только СССР и Китай? Другой пример. Дерлугьян выстраивает целую концепцию успешной незападной догоняющей модернизации до XX века всего на двух кейсах: России и Японии эпохи Мэйдзи. Будто бы в обоих случаях «чувство суверенной гордости» монархии было уязвлено интервенцией с Запада, однако относительная удаленность от западных капиталистических государств препятствовала завершению интервенции, что только простимулировало элиты устроить модернизацию¹⁷. На мой взгляд, подобные концепции сложно отличить от *ad hoc* объяснений, которые, как известно, можно придумать всегда и которые поэтому считаются недостаточными.

Впрочем, есть еще два общих обстоятельства, которые мне кажутся более значимыми, чем спорность отдельных интерпретаций. Первый уже упомянут: подход к макроисторическому анализу как к осмысленной единичной головоломке имеет серьезный риск вообразить себе упрощенный сюжет, красота и стройность которого перевесят неукладывающиеся в него факты.

Второе обстоятельство можно сформулировать вопросительно: насколько возможен результативный диалог с мир-системным анализом и макроисторическими теориями или даже теоретиков между собой? Он предполагает желание понять позицию оппонента и услышать «контрфактуальности» с его стороны. Вопрос важен, поскольку книга призывает к совместному осмыслению современности и диалогу относительно приемлемого выхода из ее кризиса. Даже самим авторам это скорее не удалось. Различий в суждениях относительно устройства капитализма и его будущего больше, чем сходства. Можно сказать, что их теории сходятся, как геометрические прямые, в сегодняшней точке кризиса. Но сходятся они из разных мест, исходящие лучи также идут в разные стороны. Заключительная глава, хоть под ней формально подписались все пятеро, создает впечатление лоскутного одеяла, скроенного одним из авторов, причем центральным лоскутом выбран мир-системный анализ Валлерстайна. Книга стремится представить такую лоскутность как добродетель, а не порок. Тем не менее возможность совместного обсуждения кажется очень ограниченной.

¹⁷ Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей, 166-167 и далее.

Также стоит упомянуть, что не хватает ясности в том, где капитализм заканчивается и начинается не-капитализм. Взять пресловутый Китай, строй которого часто называют государственным капитализмом и который некоторые авторы склонны рассматривать как перспективный образец для будущего. Что это – пример неимоверной гибкости капитализма или зари некапиталистического способа производства? Вообще где та грань, где увеличение роли государства в экономике и перераспределении ее продукта свидетельствует о смерти капитализма? Одним словом, неясно, как отличить смерть капитализма от его кардинальной трансформации. Это несколько снижает драматизм главного вопроса книги. То, что существующее общественное устройство и международные отношения будут меняться, хоть пока неясно как, – очевидно не только макроисторическим социологам.

Наконец, еще одно ограничение книги связано, так сказать, с местом на карте, где находится рецензент, данный журнал и многие его читатели. Допустим, авторы могут объяснить весь мир сразу, но этого недостаточно, чтобы объяснить происходящее и перспективы обществ постсоветского Пограничья. Ведь они не относятся к числу стран – глобальных игроков, о которых пишут, когда дело доходит до конкретного анализа. Поэтому те, кого интересует местная «версия» капитализма, должны иметь в виду, что сборник дает мало пищи для размышлений.

Подытоживая: книга пытается обратить наше внимание на то, что глобальный капитализм, суть которого в постоянном возрастании прибыли и накоплении капитала, скоро может исчезнуть, поскольку основательно разрушил и продолжает разрушать условия своего существования. Авторы обещают большие пертурбации, не берясь, впрочем, точно их предсказать. Прогнозы находятся в диапазоне от относительно мирной трансформации капитализма в более эгалитарные, социал-демократические и *environment-friendly* формы – до непредсказуемого распада мира на воюющие между собой режимы и глобальных катаклизмов. Как все сложится, не в последнюю очередь зависит от самих людей, от способностей политических элит и социальных движений совместно найти и воплотить решения проблем максимально удовлетворительным и минимально разрушительным для большинства образом. Сборник призывает задуматься об этом структурном кризисе и вместе искать выход, пока есть возможность.

Очень похоже, что обеспечивать те беспрецедентные темпы экономического развития и общего роста благосостояния, какими они были до недавнего времени, уже не получится. Более того, само устройство экономических, властных и социальных институтов может принципиально измениться буквально за несколько десятилетий. Проблема в том, что эти изменения совсем не обязательно приведут к большему равенству, благополучию или миру для отдельных граждан.